

Глава 1

Телефон звонил долго, мучительно замирая и вновь воскресая где-то в складках одеяла. Александра, вырванная звонком из сна, ловила его вслепую, не открывая глаз. Наконец нашла, приложила к уху. Услышала незнакомый мужской голос.

— Да! — ответила она. Села и свободной рукой взъерошила коротко остриженные волосы, слежавшиеся за ночь. Сощурилась, ловя взглядом плывущие со сна предметы обстановки мансарды — умывальник в углу, допотопную, разрозненную мебель, маленькие тусклые окна, в которые неохотно просачивался утренний свет. — Да, слушаю!

— Это Александра Корзухина? — повторил мужчина. Его голос звучал с легким металлическим акцентом.

— Именно она, — подтвердила Александра, спуская босые ноги на обрывок старинного персидского ковра, служивший ей прикроватным ковриком. — С кем я говорю?

— Ох, простите! — засмеялся мужчина. — Забыл представиться. Эдгар Штромм. Вы слышали обо мне когда-нибудь?

Такие вопросы всегда ставили Александру в сложное положение. Сказать, что имя незнакомое? Можно обидеть некую знаменитость, известную в узких кругах. Если сказать обратное, легко попасть впросак в дальнейшем. Окончательно проснувшись, она встала и бросила взгляд на старый огромный фанерный чемодан, занимавший целый угол. Там хранилось наследство, доставшееся ей от покойной подруги Альбины, также торговавшей антиквариатом и живописью, — обширный и подробный архив коллекционеров и художников. «Эдгар Штротм там наверняка есть!» Пауза затягивалась.

— Не слышали! — сам себе ответил мужчина, как показалось Александре, даже с некоторым удовлетворением. — Да и не могли слышать, мы ходим разными дорожками, как говорится! Вы занимаетесь картинами, правильно мне сказали?

— Совершенно верно, — с облегчением ответила Александра, осознав, что собеседник не обиделся на ее неведение. — Но не только картинами. Я берусь за все. Времена нынче...

— Непростые, да, непростые времена, — опять довольно весело поддержал ее Эдгар Штротм. — Иначе, думаю, мы бы не встретились. Я занимаюсь только янтарем. Вы, как я думаю, нет, иначе я бы вас знал.

— Ах, вот что... — протянула Александра. — Действительно, это для меня *terra incognita**.

— Ну а для меня это вся жизнь. — Теперь голос в телефоне звучал совершенно серьезно, без тени иронии. — Увлечся еще мальчишкой, и вот, до-

* Неизвестная земля (*лат.*).

КЛЕТКА ДЛЯ СВЕРЧКА

жил до седых волос... Ну, это лирика! Давайте ближе к делу. Я хочу вас ангажировать для одного предприятия. На днях состоится любопытный маленький аукцион. Янтарь, люцит и бакелит. Распродается уникальная коллекция.

— Я... — Александра растерялась. — Мне никогда не приходилось иметь дела с этими материалами...

— Знаю, знаю, — успокоил ее собеседник. — Но это как раз совершенно не важно. Вы будете представлять мои интересы в тех рамках, которые я вам обрисую, и только. Гонорар вас не разочарует. Что скажете?

Александра обвела взглядом мастерскую. Теперь, когда совсем рассвело и переулок под окном был полон звуков вскипающей утренней жизни, было особенно заметно убожество этой огромной чердачной комнаты с низким потолком, дощатыми щелястыми стенами, вздувшимся от сырости полом. Груды хлама по углам, подрамники, свернутые и порванные холсты, ящики с красками, кисти, невесть когда замоченные в большой банке с растворителем... Рабочий стол был удручающе пуст. На нем лежало лишь несколько книг и стояла кружка с недопитым кофе. У Александры уже месяц не было заказов на реставрацию, за это время ей удалось перепродать только небольшую коллекцию оловянных солдатиков, вполне заурядную. Она ничего не зарабатывала, а деньги были нужны, очень нужны. Особняк на Китай-городе, в мансарде которого она жила уже пятнадцать лет, шел под реконструкцию. То, чего так боялись населявшие его художники и скульпторы, произошло: всех выселили вместе

со всем рабочим скарбом. Из мастерских уцелела только одна, та, где теперь оставалась Александра. Ее соседи разъехались, найдя себе новые помещения для работы. Александре съезжать было некуда и не на что.

— Давайте встретимся сегодня, — прервал молчание Эдгар Штромм. — Я чувствую, вы сомневаетесь. Не стоит! Я все объясню, и вы поймете, что вам совсем необязательно разбираться в янтаре и старых пластиках, чтобы сотрудничать со мной.

— Я не сомневаюсь! — поспешила заверить Александра. — Просто пытаюсь понять, что я обо всем этом знаю. И понимаю, что не знаю ничего!

Штромм рассмеялся в трубку. Его голос, когда он заговорил, звучал покровительственно:

— Я бы рад тоже ничего об этом не знать, поверьте! Давайте позавтракаем вместе? Я только с самолета и страшно голоден. Не рискую есть в самолетах, знаете ли...

— С удовольствием! — окончательно решила Александра. — Куда мне подъехать? Где мы встречаемся?

— Никуда ехать не надо! — остановил ее Эдгар Штромм. — Я сижу в кафе, наискосок от вашего дома. Снаружи. Выйдите, посмотрите направо и увидите меня. Жду!

И не успела она опомниться, как разговор прервался. Александра еще несколько секунд смотрела на замолчавший телефон, как будто он мог дать ей недостающие сведения. «Этот Эдгар Штромм знает, где я живу, и не поленился подъехать к дому... Значит, я ему очень нужна». Далее теснились приятные мысли о гонораре, но им очень мешал вопрос, пос-

КЛЕТКА ДЛЯ СВЕРЧКА

тоянно всплывающий, пока Александра умывалась, нетерпеливо подставляя ладони под тонкую струйку воды (воду на днях должны были отключить), одевалась и с волнением смотрелась перед выходом в зеркало. «Почему именно я?» — спрашивала она себя, запирая дверь мастерской и торопливо спускаясь по лестнице, будя каблуками гулкое эхо, какое живет только в пустых, брошенных домах. «Почему ему нужна именно я?»

* * *

Май только начался, и по утрам было еще свежо. Но в кафе наискось от дома Александры уже натянули тенты и поставили столики на улице. Штромма она увидела сразу — он был единственным посетителем. Перед ним стояла чашка кофе, к которой он не прикасался, пристально глядя на подходившую к нему женщину. Когда Александра приблизилась, Эдгар Штромм встал и слегка, как ей показалось — делано учтиво, поклонился.

— Рад видеть. — Он протянул руку, и Александра пожала ее. — И очень рад, что застал вас в Москве.

— Я тоже рада знакомству, — скованно ответила Александра и присела к столу. — Хорошо, если смогу помочь...

К ним вышел официант, Александра ткнула в меню, заказав кофе. Штромм продолжал пристально разглядывать ее, словно оценивая по частям, и это ее очень смущало.

— Кофе, и все? — спросил он. — Так дело не пойдет. Здесь несколько лет назад делали чудесные блинчики. У вас есть блинчики? — обратился

Штромм к официанту. Получив положительный ответ, кивнул: — Мне и даме.

Когда официант удалился, Штромм продолжал, сверля Александру взглядом:

— А вот там, за углом, во времена моего детства была пирожковая. Я уж теперь и не знаю, были те пирожки за пять и десять копеек вкусными или нет, но воспоминания остались необыкновенные. Да... Время странная штука, правда? Прошлое всегда кажется нам или прекраснее, чем оно было, или ужаснее... Это еще Зигмунд Фрейд отмечал... И Марсель Пруст.

Александра вздохнула чуть глубже, откинулась на спинку плетеного стула, расправила плечи. Она переставала стесняться собеседника и теперь могла его разглядеть как следует.

Эдгар Штромм выглядел лет на пятьдесят с небольшим. Почему-то, говоря по телефону, Александра представляла его старше. Квадратное загорелое лицо, зачесанные назад седые, яркие до белизны волосы, маленькие голубые глаза, посаженные близко к переносице и словно слегка на разной высоте... Сухой тонкогубый рот, широкие плечи. Несмотря на прохладу и сырость (всю ночь шел дождь), Штромм снял вельветовый пиджак и бросил его на спинку свободного стула, оставшись в рубашке с короткими рукавами. В нем не было ничего неприятного или тревожащего, и все же Александра не могла избавиться от смутной тревоги. Слишком внезапно этот человек ворвался в ее жизнь.

— Вы москвич? — спросила она, стараясь отвлечься от неприятного ощущения. — Вы жили в этом районе?

КЛЕТКА ДЛЯ СВЕРЧКА

— Да, коренной москвич, жил неподалеку, на Пречистенке. — Штормм почему-то хохотнул. — Но это было очень давно. Теперь я гражданин Евросоюза. Живу то в Польше, то в Германии. Собственно, везде живу.

И снова Александру задел его металлический, неискренний смех. «Он что-то скрывает! — думала женщина, следя за тем, как вернувшийся из кафе официант ловко сервирует перед ними завтрак, деликатно, чуть слышно постукивая посудой. — И кажется... нервничает больше, чем я!»

— Да что же мы смотрим на это великолепие, давайте есть! — воскликнул Штормм и взял вилку и нож. — Где я только ни бывал, где ни ел, а все-таки в Москве мне кажется вкуснее всего. Знаете, где родился, там и сгодился.

После этих слов он замолчал и казался целиком поглощенным едой. Александра ела медленно, без особой охоты, хотя была голодна. Дома еды не было, старенький холодильник давно сломался, она питалась сухомятку и от случая к случаю, на ходу. Перспектива вскоре потерять мастерскую, которая была для нее и домом, ввергла художницу в апатию. Она ощущала себя улиткой, лишенной раковины.

— Да! — внезапно громко воскликнул Штормм, и Александра вздрогнула, уронив вилку. — Что касается нашего дела. Я ведь вам ничего не сказал. Дело щекотливое, признаюсь. Пожалуй, даже дело чести.

Александра молча смотрела на него, ожидая продолжения. Штормм размазал вилкой джем по краю тарелки и резко отодвинул ее, словно решившись на что-то.

— Итак, на днях состоится маленький аукцион, — продолжал он. — Янтарь, копалы, люцит, бакелит. Распродается коллекция моего покойного друга. Продает его дочь. У нее сейчас стесненные обстоятельства. Да, собственно... — Штромм сделал паузу. — У Ольги всегда такие обстоятельства. Она не умеет обращаться с деньгами. Это взрослый ребенок.

— Что же требуется от меня? — осведомилась Александра.

— В данный момент — терпение, — шутливым тоном заметил мужчина. — Я пытаюсь донести до вас суть проблемы.

Александра, почувствовав неловкость, замолчала. Перед ней сидел клиент, на данный момент — единственный на горизонте. Экономический кризис не пощадил среду коллекционеров. Продавалась или самая ходовая дешевка, на которой нельзя было заработать, или редкости, которые в самом деле были уникальны, цена на них никогда не падала. Средний слой товара почти не двигался, а именно он кормил перекупщиков вроде Александры. Желающие отреставрировать картину тоже встречались не часто. Эдгар Штромм, кем бы он ни был, казался настоящим подарком судьбы.

— Вам доводилось иметь дело с коллекционерами янтаря и старых пластиков? — спросил Штромм, убедившись, что его внимательно слушают. — Вы говорили, что не знакомы с этой средой.

Александра отрицательно покачала головой.

— Это совершенно особенные люди, — Штромм улыбался, но его маленькие голубые глаза были холодны. — Они живут в замкнутом мире. В своей Ян-

КЛЕТКА ДЛЯ СВЕРЧКА

тарной комнате, если можно так выразиться. И выхода из нее нет. Кого однажды зачаровал янтарь, тот навсегда останется его рабом. Таким был и мой друг, чья коллекция выставлена на продажу. Наверняка вы не слышали его имени. Игорь Исхаков был настоящим фанатом янтаря.

Александра вновь покачала головой. Это имя она слышала впервые.

— Он собирал не только янтарь, он собирал также копал — это недозревший, молодой янтарь, а также старинные пластики, давно снятые с производства. Люцит, бакелит... У него в коллекции был уникальный резной целлулоид, он приобрел его в Париже, целый сундук разом. Продавала полусумасшедшая старушка, бывшая модель Коко Шанель. Да, конечно, во всех случаях, кроме янтаря, я говорю об изделиях, а не о кусках материала. Янтарь в его коллекции был и кусковой, необработанный. Но...

Штромм сделал паузу, словно готовясь к решительному шагу.

— Речь в нашем случае пойдет не о янтаре. Что вы знаете о таком материале, как бакелит?

Александра пожала плечами:

— Ничего, абсолютно. Это синтетика?

Штромм, усмехнувшись, потянулся к своему пиджаку, висевшему на спинке соседнего стула, порылся в карманах и бросил на стол перед Александрой два маленьких полупрозрачных кубика темно-медового цвета. На каждой грани кубиков виднелись белые точки, нанесенные краской, — от одной точки до шести.

— Игральные кости? — подняла брови Александра.

— Совершенно верно, это я вам показываю для примера. Игральные кости для настольных игр производства ГДР делались из бакелита. В наши дни бакелитовые аксессуары — чистый винтаж, все захватили банальные пластики. Такие кубики сейчас стоят на рынке около трехсот евро за штуку. В Германии на них настоящий бум уже несколько лет.

— Я понятия об этом не имела... — протянула женщина. — А кубики эти помню очень хорошо, если их намочить водой, они становятся очень красивыми, похожими на янтарь...

— Да-да, — рассмеялся Штротт. — А вообще, бакелит — это попросту терморезистивная фенолформальдегидная смола. Звучит очень скучно, правда? Янтарь куда романтичнее, сколько с ним связано красивых легенд, сказок, суеверий...

Художница выжидательно помешивала ложечкой пену в остывшем кофе.

— Но представьте, этот скучный материал поддельывают! — воскликнул Штротт, словно изумляясь собственным словам. — Существует такая штука, как фейкелит, поддельный бакелит. И на него тоже находятся охотники. Бусины из фейкелита, например, проходят все тесты на бакелит, но издают иной звук при соударении друг о друга. Но чтобы определить подделку, нужно быть специалистом.

— Каковым я не являюсь, — не выдержала Александра. Она терялась все больше. — Чем же я могу быть полезна?

— О, вы можете быть полезны и мне, и дочери Исхакова, — спокойно заверил ее собеседник. — Я же говорю, для меня это дело чести — помочь дочери покойного друга. Сама Ольга не в состоянии

КЛЕТКА ДЛЯ СВЕРЧКА

постоять за себя. Она не понимает, не видит, когда ее обирают. А на этот аукцион сбегутся самые зубастые хищники. Видите ли... Когда речь идет не о золоте, серебре, не о живописцах с громкими именами, когда критерий оценки размыт, очень легко сбить с толку человека, который в себе не уверен. И сбить цену вещам, которые он продает. На Ольгу легко нажать. Она сразу сдается. После смерти отца я пятнадцать лет опекал ее, помогал и советом, и деньгами... Но заменить ей отца не мог, сами понимаете, тем более что вскоре после гибели Игоря уехал из Москвы за границу. А мать существовала в ее жизни только номинально. У нее была другая семья. Практически с двенадцати лет Ольга росла одна, сама по себе, с няньками и гувернантками. Теперь ей двадцать семь...

Штромм глубоко вздохнул, сгреб со стола бакелитовые кубики, вновь бросил их, оценил результат, слегка сдвинув брови. Александра так же машинально произвела подсчет. «Шесть и два — восемь. А он интересный тип, этот Штромм с его кубиками!» Как правило, ее примиряли с малоприятными людьми странности, подмеченные в них.

— А все равно как двенадцать! — заключил Штромм. — Так вот, я хочу познакомить вас, ваша задача — поддержать ее на аукционе, не дать ее ограбить. Там обязательно будут сбивать цены. Не поднимать, а сбивать под всякими смехотворными предложениями. Ваша функция — руководить Ольгой. Вы должны быть ее представителем и немедленно снимать с торгов вещи, на которые будут снижать цены. Мы продадим их в другом месте, за настоящие деньги. Собственно, я с самого начала был про-